

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМА «ЛИЧНОСТЬ И ТОЛПА» В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

© М.Р. Красина

Московский городской педагогический университет

Поступила в редакцию 11 июня 2009

Аннотация: «Личность и толпа» — проблема многоаспектная, имеющая свои литературные корни, восходящие к романтизму. Трагические события XX века обострили ее, несколько изменив содержание. В статье анализируется характер противостояния мира индивидуальности и мира «серой массы» на материале романа В.В. Набокова «Приглашение на казнь», выявляются причины неразрешимости этого конфликта, проводятся литературные и исторические параллели, что позволяет прийти к выводу о связи содержания романа с реальностью.

Ключевые слова: личность, индивидуальность, толпа, жертва, противостояние, пошлость, деспотизм, историзм.

Abstract: «The personality and crowd» — a problem the multidimensional, having ancient literary roots which are going back to romanticism. Tragical events of the XX-th century have aggravated it, having changed the maintenance a little. In article character of opposition of the world of individuality and the world of "grey weight" in a context of the considered novel is analyzed, the reasons of unsolvability of the given problem speak, are spent literary and parallels in history that proves the bond of this question with a reality.

Key words: person, individuality, crowd, victim, opposition, platitude, despotism, historicism.

Проблема «личность и толпа», восходящая своими корнями к романтизму, в литературе XX века занимает центральное положение. Герой романтизма — фигура одинокая, трагичная, никем не понимаемая, противостоящая своему окружению. Этот герой оказывается востребованным и в литературе минувшего столетия. Появление подобного типа героя («внутреннего эмигранта», по словам Варшавского), как и активное развитие жанра антиутопии, можно объяснить социально-политическими причинами: именно тогда мощь идеологии и ее давление на человека, безоговорочное следование социальным ролям привели к трагедиям мирового масштаба: фашизму и сталинизму. Послушное исполнение общественных требований и ожиданий, забвение своего «я», отказ от попыток реализации себя, от возможности быть самим собой, покорное и прилежное выполнение социально необходимых действий — все это пугало и вызывало презрение В. Набокова. Каждый из его героев часто ничего не имеет кроме своей индивидуальности, им оберегаемой.

В мире «серой массы» индивидуальное становится запретным, его труднее сохранить. В этой связи вспоминаются слова Л. Шестова, который говорил о романе «Мертвые души» Н.В. Гоголя: «Не в одной России Гоголь увидел мертвые души. Весь

мир представился ему замороженным царством; все люди — великие и малые — безвольными, безжизненными лунатиками, покорно и автоматически выполняющими извне внушенные им приказания. Едят, пьют, гадят, размножаются, произносят отяжелевшими языками бессмысленные слова. Нигде ни следа «свободной воли», ни одной искры сознания, никакой потребности пробудиться от вековечного сна. Все глубоко убеждены — что их сон, их жизнь и их «общий» мир есть единственная, последняя и окончательная реальность» [1, 218]. Герой Набокова, Цинциннат, напротив, убежден в другом: «Я давно свыкся с мыслью, что называемое снами есть полудействительность, обещание действительности, ее преддверие и дуновение, то есть что они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии, — больше истинной действительности, чем наша хваленая явь, которая, в свой черед, есть полусон, дурная дремота, куда извне проникают, странно, дико изменяясь, звуки и образы действительного мира, текущего за периферией сознания» [4, 227].

Опираясь на столь продолжительную литературную традицию, тема «личности и толпы» в трагически насыщенной действительности XX века приобрела более чем основательную историческую и социальную подоплеку. Она нашла воплощение в творчестве многих известных мастеров слова. Ей посвящен наиболее загадочный роман Владимира Набокова «Приглашение на

казнь», выразивший сложнейшую идею противостояния хрупкого внутреннего мира личности — и мощной, тупой серости толпы.

Границы деления романских персонажей на эти две «социальные» категории обозначены четко: Цинциннат (герой, наделенный глубоким внутренним миром) находится в дисгармоничном по отношению к нему, враждебно настроенном окружении. Автором ярко обрисованы характерные черты поведения толпы, «стада», представителями которого являются директор тюрьмы, адвокат, библиотекарь, м-сье Пьер, Марфинька, Эммочка и др. В. Набоков раскрывает, как, истребляя личность неуютной глубины и масштаба, «стадо» самоутверждается. При этом автор использует, как нам кажется, весьма очевидные аллюзии на действительность советской России. Яркое подтверждение высказанной мысли — эпизод подготовки казни Цинцинната: «Несколько девушек, без шляп, спеша и визжа, скупали все цветы у жирной цветочницы с бурными грудями, и наиболее шустрая успела бросить букетом в экипаж, едва не сбив картуза с головы Романа. М-сье Пьер погрозил пальчиком... Один домишко был особенно наряден: там дверь быстро отворилась, вышел юноша, вся семья провожала его, — он нынче как раз достиг присутственного возраста, мать смеялась сквозь слезы, бабка совала сверток ему в мешок, младший брат подавал ему посох» [4, 318] (заметим, что этот отрывок напоминает парады во главе с генсеком в тоталитарном государстве). Народ («карикатуры») поклоняется палачу, стадо идет за своим пастухом. Но для населения города м-сье Пьер отнюдь не тиран, «публика бредит им». Он весельчак, артист, душой предан своему делу: «Жалею, что так вспылел, — ласково говорил м-сье Пьер. — Не сердись, цыпунька, на меня. Ты сам понимаешь, как обидно чужое разгильдяйство, когда всю душу вкладываешь в работу» [4, 316]. В книге «Этюды ахимсы» современного писателя-философа Михаила Кобца говорится: «Мораль любого стада основана на самодостаточности самого стада. Поэтому добродетель не в том, чтобы любить ближнего, а в том, чтобы его ненавидеть» [3]. Абсолютная самодостаточность не испытывает потребности в рефлексии, поэтому Цинциннат — единственный, кто глубоко переживает и внешний, и свой внутренний миры. Его окружение, напротив, глубоко индифферентно к этим областям, и, более того, персонажи, окружающие его, лишены каких бы то ни было чувств, мыслей, переживаний. Единственная философия этого «стада» — физиология; чувства и мысли Цинцинната обусловлены страхом потери личного Я, а для м-сье Пьера и ему подобных залог успеха любой мечты — хорошее пищеварение.

В оппозиции «толпа — личность» («карикатуры» — Цинциннат) жертвой всегда будет личность, в связи с этим коснемся темы «палачи и жертвы»,

которая присутствует в анализируемом романе. Эта тема — «сквозная, трагическая и многоаспектная <...> в русской литературе XX века. Однако каждый исторический период, переживаемый обществом, вносил в нее новые конфликты, «видоизменял» категории палачей и жертв. В 20—30-е годы тема эта выдвигается на первый план в творчестве писателей разных гражданских позиций и в произведениях разных жанров (Н. Гумилев, И. Бунин, Евг. Замятин, К. Федин, Б. Пильняк, В. Набоков... — ряд может быть продолжен)» [7, 12]. Тема «сотрудничества палача и жертвы», по замечанию Н.А. Карпова, впервые намечается в романтизме [2, 9]. Антитеза личности и толпы позволяет говорить Н.А. Карпову об определенной близости Цинцинната романтическим героям. Исследователь соотносит роман В. Набокова с романом В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти», в котором тоже описываются переживания узника в предсмертные часы. Карпов обращает внимание на то, что едва намеченный у Гюго мотив учтивости тюремщиков и палачей становится у Набокова определяющим. Вежливо-издевательское поведение палача и тюремщика по отношению к Цинциннату напоминает любезную учтивость следователя Якобсона, восторженно читающего Николаю Гумилеву на память его стихи и подписывающего смертный приговор: «считаю необходимым применить по отношению к гр. Гумилеву... как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции высшую меру наказания — расстрел» [8]. Эта параллель между романским и реальным мирами еще раз подтверждает, что проблема «личность и стадо» не надумана литературой.

Тема «сотрудничества палача и жертвы» выражена в романе отчетливо: заискивающее отношение м-сье Пьера к Цинциннату, попытки задушевных, откровенных разговоров с узником, совместные прогулки в карете, парад в честь «торжественного часа» казни, — при этом во всем происходящем Цинциннат занимает бездейственно-созерцательную позицию, и даже ее бы он однозначно не занял, если бы не давление со стороны «карикатурного» окружения.

Эта тема нашла свое развитие и в советской литературе, правда, произведения, в которых так или иначе затрагивается тема «палачи и жертвы», долгое время находились под запретом. Повесть «Щепка» Владимира Зазубрина опубликована лишь в 1989 году, хотя написана была в 1923 году. В этой страшной, поразительно правдивой книге тема «палачей и жертв» не доминирующая, но очень важная. Автором изображено стадо — безграмотное, тупое и жестокое. Интересно то, что «личностью» среди этого стада является такой же палач, Срубов. Г.М. Шленская определяет его как «жертву ложно понятого долга», не сумевшего

преодолеть свой «интеллигентский комплекс» и заплатившего за это высокую цену. Мотив «сотрудничества палача и жертвы» роднит повесть «Щепка» В. Зазубрина с романом «Приглашение на казнь» В. Набокова. Подобная литературная аллюзия еще раз подчеркивает принцип историзма в раскрытии проблемы «личность и толпа», проявляющийся даже в столь разноплановых произведениях.

Более всего окружение Цинцинната раздражает его суверенность, автономность, независимость от внешних обстоятельств. Эта важнейшая характеристика набоковского героя, относящаяся не только к Цинциннату. Герой Владимира Набокова автономен в силу своей уникальности, одиночества, тонкости своего восприятия жизни. Общая и определяющая черта героев романов Набокова — «инаковость» их человеческой природы, выраженная часто в чрезвычайно тонком ощущении, восприятии и анализе действительности. Тонкость натуры таких героев противопоставлена грубости и жестокости окружающего их мира. Главным для Цинцинната, Лужина, Круга и других персонажей Набокова является соответствие внутреннему бытию, аутентичность, верность себе. Они не принимают косность, шаблонность, законы и нормы, выдуманные не ими — все то, что не позволяет им быть собой.

Проблема личности в творчестве Набокова — это также проблема личного счастья. Счастье, по Набокову, есть категория исключительно личная. Счастье — наивысшая форма выражения уникальности человека: каждый герой писателя счастлив «по-своему». Цинциннат счастлив лишь в те моменты, когда вспоминает Тамарины сады. Так как счастье, по Набокову, категория уникальная, сугубо индивидуальная, а свободное окружение узника трафаретно и шаблонно, становится ясным, что «состояние, соответствующее внутренней удовлетворенности своим бытием, полноте и осмысленности жизни» [6, 640]. населению города не может быть свойственно, навязанная система не способна осчастливить.

Мысль о деспотичности любого навязанного строя выражена не только в романе «Приглашение на казнь», но и в таких произведениях В. Набокова, как «Изобретение Вальса», «Озеро, облако, башня». В них есть аллюзии на ненавистные автору режимы: социалистический и фашистский. Хотя это не идейная доминанта романа, взгляд автора обращен на личность, ее проблемы, боли и тайны, но не на социум. Поэтому правильнее было бы сказать, что Набоков говорит об индивидууме, находящемся в навязанных условиях чуждого ему режима. В своих интервью автор подчеркивал, что каждая из этих систем для него неприемлема, и та и другая лишают че-

ловека хоть какой-то свободы, выбора, в конце концов, самости. «Я презираю коммунистическую веру как идею низкого равенства, как скучную страницу в праздничной истории человечества, как отрицание земных и неземных красот, как нечто, глупо посягающее на мое свободное «я», как поощрительницу невежества, тупости и самодовольства» [5]. Гитлеровский режим он презирал по очевидным причинам, в чем-то схожим, но более жестоким.

Толпа у Набокова способна лишь на свальный грех, на пошлость. Банальность дурного вкуса массы отвратительна писателю и часто соседствует в художественном пространстве произведений с нравственной низостью, аморальностью: к примеру, пошлость Марфиньки и м-сье Пьера неотделима от аморальности их натур, в художественном мире «Приглашения на казнь» только Цинцинната нельзя назвать пошлым и лишь его позицию можно определить как нравственную.

В наиболее циничной и человеконенавистнической форме аморальность проявила себя в идеологии и практике фашизма (культ фюрера, освобождающего своих подданных от «химеры совести»). Гитлер заявлял: «Я выращу такую молодежь, что мир содрогнется! Я лишу ее химеры, называемой совестью» [9]. «В сущности, к аморальности ведет всякая попытка «упразднить» принципы нравственности, например, объявить предрассудками совесть, человеколюбие, уважение к личности» [6, 24].

Какое преступление Цинциннат совершил, что именно называется «гносеологической гнусностью» в романе? Способность человека быть индивидуальностью, иметь свой неповторимый внутренний мир, — вот за что казнят Цинцинната.

В мире «карикатур» другие правила: необходимо быть смиренным, «прозрачным» и предсказуемым, не таящим в себе ни мыслей, ни чувств, одним словом, схемой. Такие выводы очень напоминают роман Джорджа Оруэлла «1984», в котором описываются способы, позволяющие следить за движением мыслей и чувств «номеров». Страх утраты ценности личности описан не только в этом произведении, многие романы-антиутопии во второй половине XX века обращены к этой теме.

В романе В. Набокова реализуется антитеза, противопоставляющая два мира: мир личности и мир толпы. Первый из них — богатый, многообразный и глубокий, второй — пустой. Эта типично романтическая антитеза трансформируется в модернистскую проблему более сложного характера, — «личность и стадо», что подтверждает универсальность вопроса.

В психологии «толпы» автор подчеркивает одну важную особенность: в ней тоже есть свои «личности», за которыми толпа готова безогово-

рочно следовать, кому она готова подчиняться (ведь ей нужно быть под чьим-то началом), именно такой «личностью» является м-сье Пьер. Для населения города он авторитет, образец для подражания, ему поклоняются, его боготворят. Роль гегемона взял на себя палач: иначе в таком обществе быть не могло, ведь в нем карается любая «инаковость», любое отступление от нормы. Существование такой системы, такого строя З. Шаховская весьма точно определила как «шагание в ногу». «Толпа» убеждена в своей самодостаточности, что препятствует ее развитию. Не обнаруживая достойного объекта для своего внимания, анализа, переживания, герой, противопоставленный системе, фокусирует свое сознание на субъективном мире, которому противостоит внешний мир. Таким образом, эта проблема неразрешима, она порождает сама себя.

Проблема «личность и толпа» находит в романе В.В. Набокова оригинальное решение: прибегая именно к такой, квазиреалистической, гротескной форме, автор показывает ненормальность и противоестественность попыток нарушения личностных границ. Для Набокова внутренняя жизнь человека находится в королевском ранге, попытка вторжения в неё — преступна, поэтому художественная действительность романа, где эти законы не действуют, предстает настолько неестественной, карикатурной. Категория абсурда, маркирующая разлад между двумя мирами: миром личности и миром толпы — составляет своеобразие реализации проблемы в романе Набокова.

В романе Цинциннат — единственный, кто отказывается следовать «генеральной линии», он изо всех сил пытается жить своими мыслями, чувствами и волей. «Карикатуры», его окружающие, привыкли точно исполнять написанные для них роли, испытывать элементарные одинаковые для всех чувства. Ни в одном из них не осталось ничего непосредственного, естественного, индивидуально-го, все их действия бессознательны, механистичны.

О второстепенных персонажах «Приглашения на казнь» Владимир Сергеевич Варшавский писал: «у них осталась только поверхностная объективированная и социализированная кора сознания». Главный герой отказывается жить как они, он не может и не желает отречься от своего внутреннего мира. Ему предоставлен выбор: или

он отвергает себя, свое подлинное, личное, или смертная казнь. Он выбирает последнее, в этом выборе выражена «непримиримость ко всякой попытке заставить человека отказаться от своей глубинной личной жизни и свободы» [1, 215].

Для автора «Приглашения на казнь» толпа — мертвая масса, только индивидуальность способна что-то значить, чего-то стоить. Это центральная идея романа. «Карикатуры» боятся Цинцинната, боятся оживляющей силы личностного, индивидуального начала. Их страшит утрата законов, требований и условностей «общего мира», поскольку тогда придется быть «живым», а «жить» уже нечему: своя душа давно мертва, и все, что они имеют, это способность исполнять диктуемые обществом роли. Против этого выступают все герои писателя, но мир «серой массы» — это мир силы и жестокости, поэтому его герои таятся в себе, они одиноки, слабы. По Набокову, человек, послушный только самому себе, воплощающий лишь свои чувства, мысли, волю — вот единственная реальность. Все же прочее — «полусон, дурная дремота». Для Цинцинната только его «вечное, верное» имеет значение, ради них он и жертвует собой, отказаться от своей неповторимой сути он не может. «В этом выборе и в мужестве отчаянья, с каким Цинциннат борется за свою человеческую подлинность — все значение романа» [1, 225].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варшавский В.С. Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. — Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956. — 385 с.
2. Набоков В.В. Приглашение на казнь. — М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 1999. — 432 с.
3. Кобец М. Этюды ахимсы / М. Кобец. — (art-litera.narod.ru/kobez/proza.htm).
4. Карпов Н.А. Творчество В.В. Набокова и традиции литературы романтической эпохи («Защита Лужина», «Приглашение на казнь»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Карпов Николай Александрович. — СПб., 2003. — 41 с.
5. Шленская Г.М. Палачи и жертвы / Г.М. Шленская // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Сборник материалов международной конференции на факультете филологии и журналистики 21–23 сентября 2005 г. — Красноярск : КГУ, 2006.
6. www.gumilev.ru/main.phtml?aid=5000837
7. Философский энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1989. — 840 с.
8. Набоков В.В. Юбилей (Эссе) / В.В. Набоков // Энциклопедическое собр. соч. Электронная библиотека. — М. : Дискавери, 2002. www.yabloko.ru/iso/Forums/Archive/4194.html

Красина М.Р., соискатель ученой степени кандидата филологических наук Московского городского педагогического университета.

E-mail: krasinam@mail.ru

Krasina M.R., the competitor of a scientific degree of Cand. Phil. Sci. of the Moscow city pedagogical university.